



[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Сергей ЕСЕНИН

(1895-1925)

125 лет со дня рождения и 95 лет со дня смерти С. А. Есенина, отмечаемых в 2020 году.

Юрий КОЗЛОВ

ПОД КОПЫТАМИ «СТАЛЬНОЙ КОННИЦЫ»

Есть три поэта, хотя бы одну строчку из которых (ночью разбуди!) обязательно вспомнит любой житель России, а раньше СССР. Это Пушкин, Маяковский и Есенин.

Великолепно образованный, знавший иностранные языки, историю и философию Пушкин – наше общечеловеческое (по Достоевскому) «всё». Маяковский – тоже «всё», но в советской, революционно-социалистической интерпретации. Есенин – размашистое русское «всё» во всей его удали, неистовстве, депрессии, мучительном, саморазрушитель-

ном поиске красоты, правды, справедливости и гармонии в сошедшем с круга (мировая война, революция, гражданская война, военный коммунизм, продразвёрстка, голод, Карл Радек, ведущий колонну обнажённых мужчин и женщин по Красной площади мимо соборов Кремля с плакатами «Долой стыд!») мире.

Есенин, всеми корнями выросший в убиваемую «золотую Русь», с болью, кровью и ужасом вырывал её из себя, бежал, как жеребёнок из его хрестоматийного стихотворения за «стальной конницей» нового времени. Поэт, призывавший не бить по голове «братьев меньших», «не расстреливать несчастных по темницам» прожил короткую тридцатилетнюю жизнь в самое страшное, переломное для России время.

Есть жестокая закономерность в ранних смертях гениев, выражавших самое сокровенное, истинное и божественное в душе народа, подтверждающих своим творчеством известный афоризм: «Народы – это мысли Бога». Как бы относились потомки к Пушкину, если бы он не погиб, спасая честь жены, а убил на дуэли Дантеса? Или к Маяковскому, если бы он не застрелился, а воспел коллективизацию и сталинские процессы конца тридцатых годов? В этом ряду и смерть Есенина в «Англетере», так и не сумевшего стать «самым яростным попутчиком» советской власти. Рука судьбы, как шахматную фигуру с доски, убирает гения, когда его дар вступает в непреодолимое противоречие с ходом событий.

Есенин сам себя называл «божьей дудкой». Посреди кровавого хаоса, бессудных казней, разрушения вековых укладов «дудка» пела о любви, красоте русской природы, о собаке, у которой отнимают щенков, о заледеневшем клёне, о пропадающем в кабаке поэте, главное же, о том, что всё пройдёт, как с белых яблонь дым. В этом – вечность поэзии Есенина, её неразрывная и естественная связь с тем божественным светом, который (опять же по Достоевскому) присутствует в любой, пусть и самой пропащей человеческой душе.

«Дудка» не могла лгать, обнаруживая жестокую правду даже в таком ответе поэта на вопрос крестьян, кто такой Ленин: «Он – вы». За «кадром» этого ответа – изгнанные (это в лучшем случае) из своих разгромленных дворянских усадеб Анны Снегины, сброшенные с церкви колокола и порубленные иконы.

Жизнь и творчество Есенина – реальное и метафизическое противостояние божественного света и «чёрного человека», явившегося, чтобы навсегда погасить божественный свет. Этого человека душой, кожей ощущали многие великие русские поэты. Лермонтов видел в его руке «булатный нож», Пушкин – гибель царя и «смерть детей». Образ «чёрного человека» отчётливо ощутим в стихах Блока, Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама.

Этот человек не смог погасить свет в душе и поэзии Есенина, поэтому он просто забрал его жизнь.

«У народа, у языкотворца умер звонкий забулдыга-подмастерье», – отозвался на смерть Есенина Маяковский. Он упростил. Смерть Есенина, как в своё время Пушкина, Лермонтова, смерть самого Маяковского – трагедия, не сумевшего уберечь своих гениев народа-языкотворца, торжество чёрного с булатным ножом в руке человека.

Советская власть не знала, как относиться к Есенину. Еврей Троцкий и поляк Дзержинский симпатизировали поэту. Русский Николай Бухарин в «Злых заметках» призывал покончить с «есенинщиной». Есенина, как и Достоевского в советское время не особо пропагандировали. В их произведениях (по умолчанию) не одобряли живую непокорную душу, взыскующую высшей истины, которую не могла дать никакая власть, а только Бог.